

А. А. Тортика

Харьков

Востоочнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья—Приднестровья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений

Проблема взаимоотношений и контактов восточнославянских племен Днепровского Левобережья, Подонья—Приднестровья (полян, радимичей, вятичей, северян) с алано-болгарским населением Северо-Западной Хазарии неоднократно поднималась в исторической науке. Еще в 30—40-е гг. XX в. о наличии таких взаимоотношений и существовании такой контактной зоны в районе Северского Донца, Оскола, Верхнего Дона писали М.И. Артамонов [Артамонов 1936], В. В. Мавродин [Мавродин 1945]. В послевоенный период этим вопросом, в основном в связи с исследованием памятников волынцевской и роменской археологических культур, а также лесостепного варианта салтовской культуры VIII—X вв. занимались И. И. Ляпушкин [Ляпушкин 1946; 1952; 1958; 1968], Д. Т. Березов [1962, 1965], С. А. Плетнева [1962; 1989], В. В. Седов [Седов 1982], В. К. Михеев [Михеев 1985, 1991], О. В. Сухобоков [Сухобоков 1975; 1992], О. М. Приходнюк [Приходнюк 1998], А. З. Винников [Винников 1984; 1995] и др. В последние годы собственные мнения по поводу этой проблемы высказывают археолог-славист М. В. Любичев [Любичев 1994] и археолог-салтововед В. В. Колода [Колода 2000].

В результате исследований, как правило, констатируется факт наличия культурных контактов и соседских взаимоотношений между славянами и алано-болгарами. Никто из названных выше специалистов не возражает против этого утверждения. Свидетельством контактов, по мнению археологов, является взаимное проникновение элементов материальной культуры, зафиксированное в ходе раскопок как славянских (волынцевских, роменских)¹, так и салтовских памятников. На славянских поселениях отмечены фрагменты керамических сосудов салтовских типов, металлические изделия салтовских мастеров. На салтовских памятниках (поселениях и могильниках) изредка встречаются славянская керамика, отопительные сооружения, традиции изготовления которых исследователи связывают со славянскими археологическими культурами (печи-каменки) [Плет-

¹ Традиционное для советского периода развития исторической науки отнесение волынцевской (VII — начало VIII вв.) и роменской (VIII—XI вв.) культур к археологическим культурам славянского круга в последнее время все чаще оспаривается или уточняется [Седов 1982; Гавритухин, Обломков 1996 и др.]. Отмечается наличие в рамках этих культур иных этнических субстратов: подднестровской, протоболгарского, балтского, финно-угорского. С точки зрения задач, которые ставятся в настоящей работе, эти уточнения не являются принципиальными, поскольку речь идет о взаимоотношениях неких условных целостностей (северян, вятичей) с другой целостностью — алано-болгарскими. В конкретный период времени (VIII — первая половина X вв.), когда они определенным образом взаимодействовали друг с другом в контексте сложившейся на то время этнической и геополитической ситуации. В этой связи традиционные термины «славяне», «славянские культуры» и т. д. могут быть использованы без дальнейших пояснений.

нева 1967, 58; Винников 1984, 118]. Некоторые археологи [Плетнева 1962] предполагают, что появление обряда трупосожжения, прослеженного на ряде грунтовых могильников салтовской культуры (Покровский, Сухая Гомольша, у с. Красная Горка), объясняется воздействием славянских традиций погребальной обрядности. Последняя гипотеза никогда не была популярна среди специалистов, большинство из которых достаточно обоснованно связывают появление подобного обряда с тюрками или уграми².

По-прежнему спорным является утверждение о наличии на салтовских поселениях полуземлянок славянского типа. Пока еще ни один археолог не смог убедительно доказать на основе бесспорных стратиграфических наблюдений факт одновременности салтовских и роменских построек³.

Близкое соседство славянских и салтовских поселений также было замечено археологами. Никто из них не доказал их одновременности, но тем не менее делаются выводы о наличии паритетных, мирных, если вообще не добрососедских отношений [Винников 1995; Колода 2002]. Отмечается появление этнокультурных контактов и смешанных этнокультурных зон в пределах верхнего и среднего течения Северского Донца, Оскода, Верхнего Дона.

По мнению А. З. Винникова, между славянами и алано-болгарами установились исключительно дружеские отношения, которые носили форму торговых контактов, а также проявлялись во взаимном обогащении отдельными производственными навыками [Винников 1995, 148].

Следует отметить, что еще в 60-е гг. высказывались и более реалистические точки зрения на ход и форму взаимоотношений между славянами и носителями салтовской культуры в регионе. Так, Д. Т. Березовец предполагал, что, скорее всего, алано-болгарские племена осуществляли политику центрального хазарского правительства, принуждая соседних славян к выплате дани, и что эта дань не была эпизодическим явлением, а выплачивалась регулярно, всем подчиненным славянским населением, что было возможно только при условии использования военной силы [Березовец 1965, 51—52]. Об этом писал и В. К. Михеев, отмечавший в связи с анализом ситуации, сложившейся в Подонье—Приднестрье после проникновения туда северокавказских алан, что в рассматриваемый период трудно предполагать построение отношений между чуждыми друг другу народами на каких-то иных началах, кроме принуждения и использования военной силы [Михеев 1991, 47—48]. Военный характер установления даннической зависимости славян от хазар не вызывал сомнений и у И. И. Ляпушкина [Ляпушкин 1968, 168].

² Типичный салтовский материал большинства этих погребений, т.е. кочевые традиции культуры култ коня и вонна-всадика, кочевнический набор оружия, указывает на явно не славянские корни происхождения этого обряда [Аксенов, Крыганов, Михеев 1996]. См. также [Приходнюк 1998, 18].

³ Достаточно спорным является утверждение о начале контактов между салтовским населением и славянами еще в период существования пеньковской культуры. Вывод о возможности таких контактов М. В. Любичев сделал на основе изучения отчетов раскопок селища Занки. В то же время автор раскопок А. Г. Дьяченко утверждает, что для этого нет никаких оснований и что между пеньковскими слоями и слоем, где были обнаружены салтовские материалы, в стратиграфии памятника выделяется «стерильная» прослойка песка. В этой связи контакты между носителями салтовской культуры — алано-болгарами, обосновавшимися в Приднестрье только к середине VIII в., и славянами в будущей работе будут отнесены только ко времени существования роменской культуры (VIII—XI вв.). Следует отметить, что и О. М. Приходнюк, ведущий специалист по пеньковской проблематике, отмечено декларативное утверждение о наличии связей между пеньковской и салтовской культурами «используя археологическими источниками» [Приходнюк 1998, 26].

Таким образом, весьма логично выглядит и предложенная Д. Т. Березовцом начала выплаты этой дани — середина — вторая половина VIII в., т. е. сразу после появления в Подонье стационарных памятников аланского варианта салтовской культуры. По мнению исследователя, хазарские сборщики дани проникали достаточно глубоко на славянские территории и одним из форпостов хазарского влияния на Левобережье, местом сбора дани, проживания ремесленников и воинов алано-болгарского происхождения, могло быть Битицкое городище. Интересно, что современные археологи-слависты И. О. Гавритухин и А. М. Обломский в свою очередь поддерживают эту идею, рассматривая Битицкое городище как вероятный форпост Хазарского каганата. Они же высказали близкую к мнению Д. Т. Березовца точку зрения на хронологию славяно-салтовских контактов: «Формирование нового этнокультурного симбиоза осложняется экспансией Хазарского каганата, первые ощутимые волны которой датируются где-то в рамках первой половины VII в.» [Гавритухин, Обломский 1996, 86].

О. В. Сухобоков, посвятивший монографию истории и археологии Днепропетровского Левобережья в VIII—XIII вв., в целом разделяет взгляды реалистически настроенной группы авторов. Он отмечает, что активность хазар в исследуемом регионе возрастает только после окончания арабо-хазарских войн, т. е. с середины VIII в. и что Хазария, безусловно, осуществляла эксплуатацию местного славянского населения силами специально переселенных для этого с Северного Кавказа аланов.

Вышеперечисленными положениями в целом и ограничиваются выводы археологов по поводу исследования и интерпретации славяно-хазарских контактов в Подонье—Придонечье. До настоящего времени не предложено ни одной новой гипотезы, сколько-нибудь удовлетворительно объясняющей форму этих контактов, претендующей на создание вероятной исторической модели этих взаимоотношений. Складывается впечатление, что возможности источниковой базы и методов археологии, по крайней мере, на данный момент исчерпаны и не могут способствовать дальнейшему прояснению поставленной проблемы. Археологи постепенно накапливают количество вещевых находок и артефактов (фрагменты керамики, вещи, отопительные сооружения, традиции домостроительства, элементы погребального обряда), но о качественно новых путях решения вопроса пока говорить не приходится. По сути, даже работы последних десяти лет, вводящие в оборот новый археологический материал, остаются на уровне исторических представлений 50—60-х гг. XX в. Все это свидетельствует о необходимости разработки новых подходов, поиска новых способов решения проблемы.

В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о характере взаимоотношений между теми или иными древними или средневековыми этносами в принципе не может быть решен с помощью чисто археологических методов. Это проблема прежде всего историческая, и в настоящей работе предполагается наметить именно исторические пути ее решения. Следует отметить, что основной задачей настоящей статьи является попытка разработки исторической гипотезы, позволяющей по-новому подойти к освещению поставленной проблемы. В силу отсутствия материала письменных источников, которые бы непосредственно освещали события происходившие в регионе, речь в данном случае может идти только о создании более или менее вероятной этнополитической модели взаимоотношений славян

⁴ Идею о целенаправленном характере переселения алан в Подонье—Придонечье, испиранном центральным хазарским правительством, неоднократно высказывал В. К. Михеев (см. в частности: [Михеев 1985; 1991]).

алано-болгар, о возможном, хотя отнюдь не единственном, варианте объяснения исторической действительности. Подробный анализ всей источниковой базы, особенно археологических материалов, требует специального монографического исследования и не может быть осуществлен в работе небольшого объема, поэтому здесь используются только основные археологические артефакты и категории предметов со ссылками на исследователей, специально занимавшихся археологическим аспектом проблемы.

Как нам представляется, в ходе построения искомой гипотезы в первую очередь могут быть использованы историко-ретроспективный метод, метод исторической аналогии, а также метод исторического моделирования. Для получения более точных представлений о характере взаимоотношений славян и алано-болгар необходимо на основе новейших достижений исторической науки⁵ переоценить общую историческую и этнополитическую ситуацию в Восточной Европе в VIII — первой половине X вв. Нужно также проанализировать и сравнить степень этнической консолидации и уровень социального развития участников этого процесса, что определяло развитие той или иной модели взаимоотношений и формы контактов. Подбор исторических аналогий, соответствующих эпохе, позволит представить, какого типа отношения в принципе были возможны в подобной ситуации.

В ходе решения поставленной проблемы может быть привлечен широкий круг письменных источников: сведения древнерусской летописи [ПВА 1999]; сообщения Константина Багрянородного [Константин Багрянородный 1991]; арабская и персидская историческая и географическая литература — ибн-Русте, ибн-Хордадбех, ал-Масуди, ибн-Фадлан, анонимное произведение «Худуд-ал-алам» [Известия о хазарах... 1869; Известия ал-Бекри... 1878; Ковалевский 1954; Заходер 1962; Минорский 1963 и др.] и т.д.; документы еврейско-хазарского происхождения, прежде всего так называемый «Кембриджский аноним», или, по-другому, «Текст Шехтера» [Кокцов 1932; Голб, Прицак 1997]; скандинавские источники по истории Восточной Европы, [Джаксон 1991], [Мельникова 1986], [Прицак 1997].

Археологические источники также могут быть использованы в настоящем исследовании для локализации историко-географического региона, в котором происходили отмеченные взаимоотношения, определения зоны наиболее активных этнополитических контактов славянских племен и алано-болгарского населения Хазарского каганата.

Общая оценка исторической ситуации в Восточной Европе в период с VIII — по первую половину X вв., произведенная на основе изучения и интерпретации сведений перечисленных выше источников, показывает, что восточнославянские племена северян и вятичей не были инициаторами исторических событий и процессов того времени. Ситуацию в регионе в этот период определяли и контролировали хазары, вассально-зависимые от них алано-болгары, кочевники — угры, печенеги, черные болгары, огузы, а также проникавшие сюда по рекам варяго-русы. Именно между этими этносами происходила борьба за территории, торговые пути, данничество местных племен, в том числе и славян.

Уровень социально-экономического и политического развития славян региона (северян, вятичей) тогда еще был достаточно низок⁶. Они жили небольшими родо-

⁵ Имеются в виду, прежде всего, работы А. И. Айбабина, А. В. Назаренко, В. Я. Петрухина, О. Й. Прицака, Н. Голба, О. Б. Сухобокова, А. З. Винникова, С. А. Плетневой, Г. Е. Афанасьева, О. Б. Бубенка и др.

⁶ По мнению О. В. Сухобокова, именно во власти хазар над славянами Левобережья и Подонья можно видеть причины архаизма боршевской и роменской культуры [Сухобоков 1993, 56].

выми общинами, в поселках, насчитывавших несколько (10—15) единовременных жилищ. Общинные поселки группировались в небольшие гнезда-племена. Заселялись и хозяйственно использовались только долины рек, водоразделы оставались свободными. Славяне образовывали достаточно аморфные племенные союзы, не имевшие в этот период определенных границ и единого политического устройства и управления [Смиленко 1989]. В начальный период хазарской экспансии они еще не имели четкой военной организации, в случае необходимости собиралось племенное ополчение [Седов 1982, 247]. Городища роменской культуры в отмеченном регионе представляли собой или убежища, или небольшие укрепленные сельские поселения и пока еще не могли претендовать на роль политических центров, объединяющих племена или союзы племен (Донецкое городище — роменский слой, Водяное, Хотмыжск и т. д.) [Дяченко 1980; Седов 1982; Сухобоков 1992].

Ремесло у славянского населения региона было пока относительно слабо развито и носило домашний или общинный характер. Обмен товарами и продуктами только начинал выходить за пределы межобщинных, внутриплеменных отношений⁷. Появление в этот период на славянских территориях серебряных арабских монет, использовавшихся местным населением как сокровища или украшения, необходимо, по всей видимости, связывать с деятельностью хазаро-еврейского [Голб, Прицак 1997], арабского⁸ [Ковалевский 1956], варяжского [Минорский 1963; Захедер 1962; Прицак 1997] или византийского купечества, скупавшего меха и другие местные товары для вывоза их в цивилизованные регионы Азии и Европы.

Все это не идет ни в какое сравнение с четкой структурой социальной организации и расселения алано-болгар, группировавшихся вокруг замков-крепостей, имевших сложную иерархию военного сословия и входивших в состав хазарской раннефеодальной конфедерации [Плетнева 1967; 1989; Афанасьев 1987; 1993; Михеев 1991; Бубенок 1997].

Источники сообщают о дани, которую славяне выплачивали сначала хазарам, а позднее варягам-русам [ПВА 1999, 150, 168], о работорговле, которую организовали кочевники (утры, печенеги) и варяги на славянских территориях [Известия о хазарах... 1869; Минорский 1963; Константин Багрянородный 1991]. Эти и другие факты позволяют представить модель и характер славяно-алано-болгарских взаимоотношений на границах Северо-Западной Хазарии следующим образом.

В середине VIII в. в регионе, на высоких правых берегах Северского Донца, Оскола, Дона утверждаются прочно консолидированные родоплеменные объединения алан. Они основывают сеть стационарных поселений, строят, возможно, не без участия центрального хазарского правительствa, белокаменные замки- крепо-

⁷ Следует отметить, что процесс социально-экономического развития славянских племен был с одной стороны, неравномерен в различных регионах, с другой — достаточно динамичен. Если в начальный период хазарского господства в конце VII — начале VIII вв. славяне Днепровского Левобережья находились на еще достаточно низкой ступени развития, то к X в. они выходят на один уровень с салтовской культурой, создают города с развитой торгово-ремесленной экономикой, что и приводит в конечном итоге к победе Киевской Руси над Хазарским каганатом в начавшейся после 882 г. борьбе за военно-политическое и экономическое преобладание в регионе.

⁸ В частности, И. Г. Коновалова считает, что сухопутный путь из Булгара в Киев был известен арабским купцам еще в первой половине X в. [Коновалова 2000, 182]. Т. М. Калинина указывает, что монетные данные подтверждают существование пути из стран Магриба через Сирию и области Закавказья в Восточную Европу, земли восточных славян и хазар на Северский Донец и Дон в конце VIII — первой трети IX вв. В то же время, опираясь на данные ибн-Хордадбега, она считает, что внутри восточноевропейских земель торговля осуществлялась не восточными купцами, а купцами-русам [Калинина 2000, 112—113].

сти. В тот же период они, по всей видимости, без особых усилий подчиняют соседние славянские племенные союзы. Никаких данных о сопротивлении, которое оказали славяне, о войнах, которые вели с ними хазары или алано-болгары, в источниках нет. Более того, древнерусская летопись, как о само собой разумеющемся и хорошо известном факте, сообщает о дани, которую платили хазарам поляне, радимичи, северяне и вятичи [ПВЛ 1999, 148—168]. Поскольку непосредственными соседями этих славянских племен были алано-болгары Подонья—Приднестречья, под летописными хазарами, скорее всего, нужно понимать именно их. Летописец, писавший о хазарской дани через 150 лет после гибели каганата (по мнению Д. С. Лихачева, в начале XII в.) [ПВЛ 1999], навряд ли мог дифференцировать входившие в его состав племена и народы.

Вассалы хазар — алано-болгары еще в VIII в. создают буферную зону полувисимого даннического населения между своей территорией и основным массивом обитателей севера и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. Этот буфер и эта группа даннических племен в конце IX — начале X вв. становятся объектом притязаний варяго-русской верхушки Киевского государства, и окончательный переход этих территорий под протекторат Руси в середине X в. указывает на ослабление хазарского влияния в Восточной Европе.

В течение VIII — начале IX вв. аланы все теснее консолидируются с болгарями. Структура их общества во все большей степени приобретает раннефеодальный характер [Михеев 1991]. В этот период у алано-болгар, вероятно, складывается территориальная община, типичная для начального этапа развития феодальных отношений. Об этом свидетельствуют планировка и материал салтовских поселений, биритуальный характер погребального обряда и планиграфия ряда могильников региона. Общественные отношения развиваются на основе военно-феодального принципа⁹, с сохранением рудиментов родовых отношений, что характерно как для алан, причем не только в этом регионе [Афанасьев 1993; Бубенок 1997], так и для кочевников-болгар. Последний фактор определяет формирование полицентрической системы расселения и организации общества, отсутствие единого феодального образования, охватывающего всю Северо-Западную Хазарию. Внутри микрорегиональных феодальных объединений, которые можно привязать к отдельным салтовским городищам (Верхне-Салтовское, Волчанское, Мохначское, Эсхар, Коробовы хутора, Гайдары, Дмитровское и др.), население распределяется на основе сочетания родоплеменного и военно-административного признаков. Каждая родовая единица вливается в определенное территориальное и военное образование, вероятно, сотню¹⁰, которая может рассматриваться и как

⁹ Речь идет о наличии центральной власти, наличии единого верховного правителя, подчиненных ему местных «племенных» правителей, которые со временем превращаются в военно-феодальную знать с наследственной властью и собственностью на землю. Новые раннефеодальные отношения могут долго сосуществовать с племенным строем, с пережитками родоплеменных отношений. См. письмо Иосифа Хаздаю нбн-Шафруту [Коковцов 1932].

¹⁰ Конечно же, термин «сотня» в настоящем случае нельзя понимать буквально. Это наименьшая единица в военно-административной иерархии кочевых и полукочевых народов Евразии, которая обычно совпадала с границами родовых или территориальных общин и по количеству готовых к бою воинов-всадников в сотне могло быть и больше 100 человек. Количество погребений представителей военной верхушки на таких могильниках, как например у с. Красная Горка, позволяет предположить, что он был оставлен группой населения, которая могла составлять даже не одну, а две или три сотни. Если использовать принятую в исторической науке пропорцию соотношения числа воинов ко всему населению 1/5, то можно получить цифру от 600 (мин.) до 1800 (макс.) человек. Очевидно, что это не идет ни в какое сравнение с малонаселенными разрозненными славянскими памятниками нашего региона (лесостепное Приднестречье) того же времени.

военно-феодалная и как феодално-административная единица. В качестве археологического эквивалента подобных единиц можно рассматривать такие памятники, как например могильники у с. Красная Горка, Гусаровка, Сухая Гомольша, Волоконовка и т. д.

В этот период в условиях относительной военно-политической стабильности у алано-болгарских племен развиваются земледелие и скотоводство, ремесла, торговля. Результаты раскопок таких памятников, как например Маяки [Михеев 1985], свидетельствуют о высоком уровне ремесленного производства и степени его специализации. Мощный культурный слой, обилие жилых комплексов, хозяйственных сооружений и построек, вещевых находок, железных предметов указывают на интенсивную экономическую деятельность и достаточно высокую плотность населения. Вероятно, появляются предпосылки для развития раннегородских центров.

В такой ситуации разрозненные славянские племена, имевшие относительно низкую плотность населения и слабую степень развития социально-экономических и политических связей, не могли противостоять организованной военной силе алано-болгарских вассалов Хазарского каганата. Вероятнее всего, их взаимоотношения с Северо-Западной Хазарией протекали в форме данничества. Они платили дань мехами, медом, воском, возможно, как свидетельствует русская летопись, арабскими серебряными монетами [ПВА 1999, 168]. Надо полагать, что именно они (наряду с другими славянскими, а также финно-угорскими и балтскими народами Восточной Европы) и были теми самыми «сакалиба»¹¹, т. е. «светло- или рыжеволосыми» рабами северного происхождения [Прицак 1997], о которых пишут арабские авторы и которыми торговали мадьяры, печенегы, варяги-русы, а также арабы, персы, евреи и греки на невольничьих рынках Византии и Арабского халифата.

О том, каким именно образом производился захват «живого товара» на территории Восточной Европы, сообщают византийские, скандинавские и арабские авторы. Определенные сведения об этом имеются также в скандинавских источниках [Славяне и скандинавы 1986; Прицак 1997]. Рабов захватывали во время военно-грабительских походов и набегов¹². В более мирных условиях варяго-русская дружинная верхушка Киевского государства вплоть до середины X в. приобретает рабов наряду с мехами, медом и воском во время полудья¹³ [Ново-

¹¹ Не возражая против объяснения происхождения термина «ал-сакалиба» от византийско-греческой формы наименования славян в VII в. «склавия» [Свод древнейших письменных известий о славянах 1995, 509], следует отметить, что позже, в IX—X вв., арабские авторы понимали под «ал-сакалиба» не только славян, но и вообще все северное население Европы, и в частности рабов северного, европейского происхождения.

¹² В этой связи интересно следующее сообщение ибн-Русте: «Русь имеет царя, который зовется Хакан-Рус. Они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Болгарам и продают там» [Известия о хазарах, буртасах, болгарях... 1869, 35].

¹³ Несмотря на то что Константин Багрянородный прямо не сообщает о том, как варяги приобретали рабов в Восточной Европе, вся логика и содержание его рассказа о полудье позволяют предположить, что, скорее всего, рабы захватывались во время зимнего кормления на племенных территориях славян и после этого вывозились для продажи в Константинополь. Константин пишет «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тогда их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полудья, что именуется «Кружением», а именно — в Славинию вервианов, другивитов, кривнчей, севериев и прочих славян, которые являются пактиятами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом, также, как было рассказано, взяв своих моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию» [Константин Багрянородный 1991, 51]. Далее, когда «росы» преодолевают пороги Днепра, по дороге в Константинополь, они «...проводят

сельцев 2000; Константин Багрянородный 1991]. Кочевники (мадьяры, печенеги и др.), могли организовывать специальные походы-набеги за рабами¹⁴, напоминая по своим тактическим приемам загонную охоту на стадных степных животных. Именно таким образом добывали «ясыр» в XVI—XVII вв. ногайцы и крымские татары. И, наконец, местная племенная верхушка могла организовывать самостоятельные набеги в глубь лесных территорий, недоступных варягам или кочевникам, и выплачивать рабами дань или самостоятельно продавать их на речных пристанях Дона, Донца, Днепра или Волги. Примерно так поступали африканские царьки Бенина или Берега Слоновой Кости в XVII—XVIII вв.¹⁵. Среди таких рабов, закабаленных внутри славянской среды, могли быть должники или преступники. О подобной форме потери свободы на территории Восточной Европы, правда, в более поздний период, в XII в., сообщает ал-Гарнати¹⁶.

Сами алано-болгары, по всей видимости, не были заинтересованы в массовом применении рабской силы. Они практиковали домашнее рабство, о чем косвенно могут свидетельствовать безынвентарные погребения на могильниках салтовской культуры. Скорее всего, это были женщины, выполнявшие роль наложниц и домашних работниц у представителей алано-болгарской знати. Возможно, по аналогии с кочевым миром, это были также захваченные во время набегов или рожденные рабынями дети, которые, вырастая, становились членами патриархальных семей [Афанасьев 1984] и в качестве «младших родственников» входили в состав коренного алано-болгарского населения. Тот факт, что их хоронили на родовых кладбищах, говорит о включении их в состав общины, проявлении некоторой заботы об умершем, своего рода родственного отношения. Отсутствие инвентаря или его бедность, несоблюдение обряда свидетельствуют о неравноправном положении, низком социальном статусе этих погребенных.

рабов в цепях по суше...» [Константин Багрянородный 1991, 49]. Возникает вопрос: где они взяли этих рабов, в Киеве? Наверяд ли, это был центр княжеской власти, перевалочный пункт, куда свозилась дань и товары с окружающих племенных территорий. По дороге к порогам? Еще менее вероятно. Очевидно, что и рабов, и другие товары — меха мед и т. д. — они приобретали во время полюдья. Форму, в которой происходило это «приобретение», хорошо описал Гардизи: «...когда же 100—200 из них (русов) ходят к славянам и силой берут у них свое содержание, пока там находятся» [Новосельцев 2000, 404].

¹⁴ Так ибн-Русте пишет: «Мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними как с военнопленными... Воюя славян и добывая от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, который зовется Карх... А как дойдут мадьяры с пленниками своими до Карха, греки выходят к ним навстречу. Мадьяры заводят с ними торг, отдают им пленников своих и взамен их получают греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческие товары» [Известия о хазарах, буртасах, болгарах... 1869, 27].

¹⁵ О возможности именно такого развития событий можно говорить не только на основе исторических аналогий. Так, ибн-Русте сообщает следующее о контроле славянских правителей над своим населением: «...царь объезжает их ежегодно. Если у кого из них есть дочь, обязан он давать царю по одному из платьев ее в год. Таким же образом обязан давать ему в год по одежде сына его, если есть сын. У кого нет ни сына, ни дочери, тот обязан давать по платью в год от жены или служанки» [Известия о хазарах, буртасах, болгарах... 1869, 33]. Не напоминает ли это откупное за сына или дочь или за обоих своеобразную форму контроля за людским «поголовьем», причем речь идет только о тех представителях населения, которые могут представлять собой дорогостоящий «товар» — молодежь, женщин, служанки?

¹⁶ «...А у славян строгие порядки. Если кто-нибудь нанесет ущерб невольнице другого, или его скоту, или его скоту, или нарушит законность каким-нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его...» [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... 1971, 35].

Следует отметить, что подобная форма рабовладения известна в этот же исторический период в Скандинавии (источник рабов тот же), в Древней Руси, Волжской Булгарии, метрополии Хазарского каганата — Итиле. Вероятно, алано-болгарские феодалы практиковали также и насильственное переселение на свои земли целых общин зависимого славянского населения. Это очень характерное явление для раннего средневековья. Оно неоднократно наблюдается в Хазарии, на Северном Кавказе и в Закавказье, Крыму, Византии, Арабском халифате. Подобные переселения происходили во второй половине I тыс. также в странах Центральной и Западной Европы¹⁷. Видимо, именно этот факт объясняет близкое соседство славянских и салтовских поселений, причину взаимного проникновения отмеченных выше элементов материальной культуры. Учитывая смешанный, полиэтничный характер самого салтовского конгломерата, процесс формирования территориальных общин военно-административный принцип деления алано-болгарского населения, можно говорить о появлении предпосылок для вхождения отдельных славянских групп в феодальную структуру Северо-Западной Хазарии. Этот процесс не был завершен. Его развитие прекратилось или, точнее, сильно изменилось под воздействием внешних факторов. Обострение военно-политической ситуации, потеря Хазарским каганатом зоны влияния в степной части Днепро-Донского междуречья в результате переселения туда венгров после 830 г. [Цукерман 2001, 313], а затем и печенегов в конце IX в., поход древнерусского князя Святослава в 965 г., завершивший разгром Хазарии, привели к тому, что северяне и вятичи окончательно вошли в зону политического контроля Киевской Руси. Дальнейшее историческое и этнокультурное развитие восточнославянских племен Днепровского Левобережья, Подонья — Приднечья происходит уже в политических границах древнерусских княжеств и в контексте древнерусской городской культуры. Именно в этот период начинается и новый этап развития взаимоотношений между славянами и алано-болгарами. Алано-болгары, частично вытесненные печенегами из мест своего обитания, проникают на славянские территории и уже в качестве зависимых соседей или в лучшем случае младших членов территориальных общин селятся на славянских памятниках [Славяне Юго-Восточной Европы... 1990, 333—334]. По всей видимости, со временем они ассимилируются и вливаются в состав древнерусской народности. Процессы, происходившие в это время, требуют построения иной гипотезы этнополитических взаимоотношений и выходят за рамки задач, поставленных в настоящей работе.

В заключение еще раз хотелось бы подчеркнуть, что отношения между славянами и алано-болгарским населением Хазарского каганата необходимо рассматривать в динамике, учитывая неоднократно менявшиеся внешнеполитические условия и тот факт, что эти отношения переживали определенную эволюцию в связи с изменением социально-экономической ситуации как в славянской, так и в алано-болгарской среде. Первоначально, в конце VII — начале VIII вв. хазары, вероятнее всего, совершали только спорадические набеги на славянские территории, не устанавливая над ними постоянного контроля и не оформляя постоянных даннических отношений. Возможно, что в условиях начала арабо-хазарских войн и вовлеченности основного массива хазар в события в Закавказье и на Северном Кавказе эти набеги осуществлялись небольшими силами мелких кочевых предводителей или даже болгарским населением Приазовья, подвластным хазарам. Только с середины VIII в. хазаро-славянские отношения приобретают регулярный и относительно упо-

¹⁷ Целый ряд примеров подобных переселений приводит в своей статье, посвященной анализу социальных отношений салтовского населения Подонья—Приазовья, В. К. Михеев [Михеев 1991]

рабочий характер. Славяне Днепровского Левобережья, Подонья—Приднестровья находились под постоянным контролем военных гарнизонов белокаменных аланских крепостей, расположенных по Северскому Донцу, Осколу, Дону. Славяне платили дань, размеры которой указываются ПВЛ, являлись объектом колониальной торговли, источником работорговли. К концу IX в. ситуация постепенно меняется. Растет уровень социально-экономического развития славянского населения и его сопротивляемость внешним угрозам. Эволюционирует племенная строй, преобразуя достаточное количество аморфных союзов в консолидированные племенные княжества. Ослабляется Хазарский каганат. Одновременно усиливаются его конкуренты — варяги и печенеги. Возникает новая военно-политическая ситуация. В этих условиях славяне избавляются от хазарского влияния, Хазарский каганат гибнет, исчезает салтовская культура, а ее носители включаются в новые этнополитические и государственные конгломерации.

Литература

- Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К., 1982.
- Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Афанасьев Г. Е. Большая семья у алан // СА. 1984. №3.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М., 1987.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. М., 1993.
- Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1956 гг. // КСИА АН УССР. К., 1962. Вып. 12.
- Березовец Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури / Археологія. 1965. Т.19. С. 47—67.
- Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.). К., 1997.
- Вишиков А. З. Жилые и хозяйственные комплексы Маяцкого селища // Маяцкое городище (Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции). М., 1984.
- Вишиков А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI вв.). Воронеж, 1995.
- Гаврилухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Галб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997.
- Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Дяченко О. Г. Ранньослов'янське поселення VIII—X ст. на городищі поблизу с. Водяне // Вісн. Харк. ун-у. Сер. Історія. 1980. № 201, вып. 12.
- Дяченко А. Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX—X вв. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 37—43.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.
- Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах: Статьи и размышления А. Куника и барона В. Розена. СПб., 1878. Ч. 1.
- Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмед бен-Омар Ибн-Дада / Пер. Д. Хвольсона. СПб., 1869.
- Калишина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 106—119.
- Ковалевский А. П. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Харьков, 1954.

- Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.
- Колода В. В. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории восточных славян // Хазары. Второй международный colloquium: Тезисы. М., 2002. С. 56—58.
- Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабско-персидских авторов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 126—133.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Литаврин Г. Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах иудеях в Херсоне // Литаврин Г. Г. Византия и Славяне: Сборник статей. СПб., 1999.
- Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начале VIII в. // Древности. Харьков, 1994. С. 87—100.
- Лялушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. // КСИИМК. 1946. Вып. 12.
- Лялушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья // СА. 1952. Т.16.
- Лялушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. 1958. № 62.
- Лялушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152.
- Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. М., 1945.
- Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты. Перевод. Комментарии. М., 1986.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья—Приазовья в VIII—X вв. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 43—50.
- Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. М., 2001.
- Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX — первой половины X вв. (полоудье) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 400—404.
- Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—X вв. // СА. 1962. № 1.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Ляхачева; Под ред. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999.
- Прицак О. Й. Походження Русі: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). К., 1997.
- Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.2 (VII— IX вв.). М., 1995.
- Сегов В. В. Восточные славяне VI—XIII вв. М., 1982.
- Славяне и скандинавы / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В. Д. Баран. Е. В. Максимов, Б. В. Магомедов и др. К., 1990.
- Смиленко А. Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII— X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.
- Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VII—XIII ст. К., 1992.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. 3. С. 312—333.

